

АРТЕФАКТ & ДЕТЕКТИВ

Крымский хан
потерял в битве под
Тулой зачарованную
саблю рода Чингизидов.
Вплоть до наших дней
проклятое оружие
переходит из рук
в руки, никому не
принося счастья...

Ольга БАСКОВА

Проклятая сабля крымского хана

Ольга Баскова
Проклятая сабля
крымского хана
Серия «Артефакт & Детектив»

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=48420715
Проклятая сабля крымского хана: Эксмо; Москва; 2019
ISBN 978-5-04-107374-9

Аннотация

Тот, кто хочет владеть всем миром, непременно заплатится за свое тщеславие. Зачарованная сабля сулила могущество и богатство хану Девлет Гирею, потомку великого Чингисхана, но была утеряна на поле битвы, и с тех пор несла только разрушение и несчастья... Сила проклятья не ослабла вплоть до наших дней и закружила в водовороте трагических событий Жанну и Андрея, каждому из которых придется сделать нелегкий выбор и не раз об этом пожалеть...

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	17
Глава 3	31
Глава 4	36
Конец ознакомительного фрагмента.	44

Ольга Баскова
Проклятая сабля
крымского хана

© Баскова О., 2019

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2019

* * *

Глава 1

1520 год. Крым

Крымский хан Саадет Гирей привязал коня к тонкому морщинистому стволу дерева, неизвестно как вцепившемуся корнями в скалу и даже пробившему ее в поисках влаги, тяжело вздохнул и стал взбираться по склону к пещере, которая скалилась еле заметной черной пастью – расщелиной. Это давалось ему с трудом. Тучный, сильно набравший в весе в последнее время, он тяжело дышал, и камни сыпались из-под ног. Пот градом катился по круглому, смуглому, с желтизной лицу, попадая в узкие монгольские глаза, застревая в морщинках, как вода в колеях, сверкая в бороде, где уже поблескивал серебряный волос; он смахивал соленую жижу холеной рукой и продолжал путь. Саадет Гирей не сказал ни единой живой душе, даже своей жене, которой доверял, о том, куда направился. Здесь, в суровых крымских скалах, жил колдун, который предсказывал будущее. Потомок Чингисхана, Саадет Гирей помнил о своем великом предке, завоевавшем полмира, и мечтал о его славе. Помнил он также и о том, что своими победами Чингисхан был во многом обязан шаману Тэб-Тэнгри. О нем рассказывали довольно много. Предки Тэб-Тэнгри служили еще матери Чингисхана, однако это не означало, что он займет достойное ме-

сто при ханском дворе – Чингисхан не происходил из знатного рода. Саадет Гирей знал, что именно благодаря Тэб-Тэнгри его великий предок занял место, которого заслуживал. Шаман провозгласил: скоро придет Великий воин, которому покровительствует сам бог Тэнгри, поэтому его род считается «золотым». И именно Темуччи – такое имя получил Чингисхан от рождения – станет Великим ханом. Чингисхану пришлось по нраву слова шамана, по его совету он сменил имя и действительно принес Золотой Орде столько побед, сколько она никогда не видела. Саадет Гирей до сих пор не мог разобраться в том, за что его великий предок приказал убить Тэб-Тэнгри. Наверное, это было сделано сгоряча... Вокруг великих людей вечно плетутся интриги... возможно, кто-то наговорил на шамана, мечтая захватить трон. Трон шатался и под ним, именно поэтому, тяжело дыша и спотыкаясь, он упорно карабкался к пещере. По словам местных жителей, колдун умел предсказывать будущее. Оно и интересовало крымского хана. Наконец, добравшись до маленькой площадки, созданной природой прямо перед узким входом в пещеру, он погладил бороду, что делал в минуты сильного волнения, и с опаской заглянул внутрь. Возле огня сидел худой старик в лохмотьях и что-то бормотал.

– Приветствую тебя, почтенный, – громко сказал Саадет Гирей, но от волнения голос его оборвался на последнем слове. Старик не обернулся, лишь что-то пробормотал

под крючковатый нос. Пламя в костре разгорелось сильнее, словно колдун произнес какое-то заклятие, и желтые отблески заплясали по склизким, словно плачущим стенам пещеры.

– Почтеннейший, – уже громче и увереннее произнес хан, стараясь подавить волной накативший на него страх, – я пришел...

Старик обернулся. В ярком свете он выглядел устрашающе: длинные белые волосы, перехваченные грязной красной лентой, испещренное морщинами узкое лицо, глаза, прикрытые веками, седые нависшие брови...

– Ты пришел узнать свое будущее, – скрипучим, словно колесо старой телеги, голосом произнес он. – Сюда все приходят за этим. Что ж, слушай. Тебе не суждено стать Великим ханом, если ты не расправишься с сыном своей жены. Впрочем, я вижу, что ты этого не сделаешь, хотя кровь проливать тебе не впервой. Верно говорю?

Хан прищурился, и его без того узкие глаза превратились в щелочки. Да, шайтан-старик прав, ему приходилось убивать всю свою жизнь. Совсем молодой, с румяными щеками, покрытыми юношеским пухом, он сражался против мятежников – сторонников своего родственника принца Селима, потом жестоко подавлял народные волнения недовольных. Он предавал, продавал направо и налево, не зная слов «дружба» и «любовь», не чувствуя никакой привязанности к близким, и добился своего: султан Селим Явуз и его

сын Сулейман Великолепный благоволили к нему. Когда осенью 1523 года после ухода ногайцев, разоривших Крымское ханство, знать поставила на престол Казы Гирея Первого, Стамбул воспротивился. Крымские беи всегда согласовывали кандидатуру правителя с турецким владыкой, но на сей раз этого не сделали. Мало того, главный крымский мурза, ненавидевший нового хана, отправился в Стамбул, где, упав на колени перед султаном и обливаясь слезами, просил за него, Саадет Гирея. Сулейман Великолепный, конечно, не отказал, и новый хан с отрядом турецких янычар вскоре прибыл в Крым. Он помнил: решение расправиться с молодым племянником Казы Гиреем и его братьями созрело не сразу. Саадет Гирей колебался. Говоря по совести, племянник не сделал ему ничего плохого, покорно принял свое смещение и заявил о готовности повиноваться дяде. Саадет сделал его своим калгой¹, однако это не давало ему покоя, и вскоре хан приказал умертвить юношу. Казалось, стало легче дышать, заговоры мерещились реже... Но это только казалось. Потом пришел черед других племянников. Он истребил почти всех родственников и не жалел об этом. Нет, не совсем так. Иногда в глубине души шевелилось что-то похожее на совесть, которая, впрочем, быстро успокаивалась. Все, что он ни делал, – делал на благо страны, ослабленной

¹ Калга (титул) – ближайший советник хана, второе по значимости лицо в иерархии Крымского ханства. Назначался лично ханом при вступлении на престол.

нападениями ногайцев и распрями знати. Благодаря его действиям в стране удалось навести порядок. Разумеется, не все оставались довольны его политикой. Не все крымские беи любили турок, которым он поклонялся... Недоброжелатели припоминали неудачные военные походы на Москву и Литовское княжество, а хитрый шайтан, племянник Ислям Гирей, правдами и неправдами хотел занять трон. Ислям Гирей, но не Девлет, его племянник и пасынок одновременно. Старик что-то путает. Ему надо опасаться другого родственника. Колдун зашевелился, будто прочитав его мысли.

– Я ничего не путаю, – прошепел он, кашлянув. – Может быть, и правильно, что ты не убьешь его. Я вижу, Девлет все равно прославит свое имя. Однако славы Чингисхана не добьется.

– При чем тут Девлет? – буркнул Саадет Гирей, словно разбуженный словами старика. – Он еще младенец и мне не соперник. Его отец Мубарек сложил буйную голову в Африке и тоже не претендует на престол. Меня беспокоит родной брат и другой племянник, Ислям. Кажется, они хотят скинуть меня с трона.

– Ислям не получит желаемого, – снова промолвил старец. – Тебе удастся укротить его, как дикого барса. Брату тоже недолго царствовать, если Девлет останется в живых. – Колдун бросил в огонь щепотку какого-то белого порошка, и пламя снова вспыхнуло, швырнув в хана горсть искр. – Если ты не хочешь услышать меня, ступай откуда

пришел. Мне больше нечего сказать.

Саадет Гирей продолжал стоять, прислонившись к холодной мокрой стене, не произнося ни слова, будто ожидая продолжения беседы, но вдруг какая-то сила, как вихрь, как ураган, вытолкнула его из пещеры в жаркий полдень, и он снова оказался на склоне горы. Солнце палило немилосердно, обжигая желтую кожу щек, и хан начал осторожно спускаться вниз, на каменистую дорогу, где оставил коня. Разговор с колдуном не принес ожидаемого успокоения, наоборот, сердце билось еще тревожнее, тяжелый камень не упал с души. Что же получается? Его соперник – маленький Девлет? Но это неправда, что может сделать ребенок? Почтительный скромный ребенок, который почти не видится с ним и который ни разу не высказал желания поскорее вырасти, чтобы занять место своего отца. Зачем его убивать? У него еще кишка тонка сместить отчима с трона. Другое дело – братец, не раз возмущавшийся решением после гибели старшего брата посадить на трон среднего, хотя какая тут несправедливость? Есть еще и проклятый племянник... О Аллах, как тяжело нести эту ношу – власть, но как жалко ее бросить...

Саадет спрыгнул с валуна на дорогу и подошел к красивому ухоженному гнедому коню, покорно ждавшему своего хозяина. Хан потрепал его по пушистому загривку, конь лизнул его горячую руку.

– Ты один не предашь меня, – шепнул Саадет в ухо вер-

ному другу, не раз выручавшему его в боях. – Ты один... Все мои родственники – стая трусливых шакалов... Ничего, посмотрим, как они потеряют головы в борьбе со мной.

Он влез в седло и натянул поводья. Конь покосился черным глазом на хозяина.

– Домой. – Саадет знал, что его понимают с полуслова. Для его коня не требуется плеть. Животное тряхнуло гривой и понеслось к дворцу. Хан не любил свое жилище, считая, что крымский дворец недостаточно напоминает турецкий. Впрочем, последние дни его не утешали ни ласки наложниц, собранных со всего света, ни дети, ни жены. Тень заговора и угроза смещения его с престола давно витала в воздухе. Саадет надеялся, что колдун успокоит его, разрешит проблемы. Но мерзкий старец только все усугубил. Шайтан бы его побрал! И ведь наговорил лжи, шакал! Какой Девлет ему соперник? Когда в легкой дымке показались крыши дворца, хан призадумался. Проклятый старик все же посеял зерно сомнения. Что ему делать с Девлетом, как себя вести? Саадет опустил поводья, дав верному другу нести себя сначала по гористой местности, по белой пыли, забивавшейся в нос и рот, потом по степи с выжженной травой, степи, пахнувшей сеном и еще чем-то сладким, как шербет. Когда показались минареты мечети, он вскинул голову, принял царственный вид и пришипорил коня. Никто не должен знать, что разговор с колдуном расстроил его. Впрочем, кому об этом известно? Даже своей жене Се-

лиме, матери Девлета, он ничего не сказал. Нет, не потому, что не доверял ей, как раз наоборот, просто боялся взгляда ее жгучих черных глаз, как ему казалось, осуждавших за то, что не уберег своего родного брата, ее мужа Мубарека, от гибели в далекой Африке. Много раз Саадет пытался объяснить ей: мол, это было невозможно, ее супруг сам принял решение участвовать в походе на Египет, но Селима будто не верила, отворачивалась, и длинные пушистые ресницы увлажняла слеза. Она так и не смогла полюбить его. И не сможет – он знал это с самого начала. Все протестовало в нем против женитьбы на этой женщине, однако укрепленная веками традиция жениться на вдове старшего брата не позволила избежать участи, печальной для обоих. Да, именно печальной, потому что они не были счастливы. Она почти не интересовалась делами мужа, только разве для приличия, все дни проводила с сыном Девлетом, и Саадет не представлял, как скажет ей, что подростка надо удалить из дворца. Да, надо – к этому решению он пришел, подъезжая к воротам резиденции. Привратник открыл ворота, и хан въехал на просторный двор и окинул постройки скучающим взором. Ханский дворец, похожий на небольшую крепость, возведенный его отцом Менгли Гиреем, многим казался шедевром: фонтаны, цветники, разбросанные в саду беседки и павильоны из резного позолоченного дерева, башня-хамам, солидное медресе... Как напоминание об отце, на портале красовалась надпись: «Владелец этого дворца»

ца и правитель этой области, государь величайший и благороднейший, Менгли Гирей – хан, сын Хаджи Гирея – хана, да помилует Аллах его и его родителей в обоих мирах». Саадет любил фонтаны, не такие большие, как в Стамбуле, потому что в Крыму вода добывалась с трудом, считалась источником жизни и благополучия, отрадой и надеждой: ее берегли и почитали. Источники воды всегда имели особый смысл и значение: для сбора питьевой воды – «чешме», «абдез» или «магзуб» – для омовения перед молитвой, фонтаны «себил» – священные. «Сладкозвучные» фонтаны украшали ханские покои и улаживали слух. Хан спешил, вошел в беседку, в центре которой красовался небольшой фонтан в виде распустившегося цветка, погладил влажные лепестки, орошенные водой, лизнул кристально чистую каплю и тяжело опустился на диван, на парчовые подушки. Верный евнух Махмуд тотчас подбежал к нему, взявшись словно ниоткуда.

– Как вы себя чувствуете, господин? Не принести ли вам холодной лимонной воды с шербетом?

Хан покачал головой и дёрнул бороду:

– Спасибо, Махмуд. Не думаю, что это мне поможет. Ты иди, я позову тебя. Мне нужно побыть одному.

Евнух исчез так же неслышно, как и появился. Саадет закрыл глаза и вдохнул свежий воздух, напоенный запахом роз. Он любил сидеть в летней беседке, словно ограждая себя от суетного мира резными стенами со вставками из цвет-

ного стекла вместо окошек. Причудливая игра красок завораживала. Мириады бриллиантов-капелек искрились желтым, красным, синим, зеленым цветами, превращая помещение в дивный калейдоскоп цветных бликов. Нежное журчание струй убаюкивало. Стало легче дышать, сознание будто прояснилось, и Саадет принял окончательное решение. Да, колдун прав, он не станет убивать своего племянника – пасынка, просто отправит его в Стамбул, где мальчик будет находиться под присмотром преданных ему, хану, людей. Если старый шайтан ошибся и со стороны Девлета ему ничто не угрожает – он вернет его со временем. Да, так и следует поступить. Иначе эта мысль сведет его с ума. А у него и так много проблем, проблем с родным братом и племянником Ислямом. Успокоившись, Саадет хлопнул в ладоши, и верный евнух возник перед ним, как призрак.

– Приведи ко мне Девлет Гирея, – приказал хан, – и поживее.

Евнух склонился так низко, как только позволяла ему больная поясница, которую он постоянно пачкал какой-то остро пахнувшей заморской мазью.

– Слушаю и повинуюсь, повелитель. Девлет Гирей предстанет перед твоими светлыми глазами через мгновение.

Саадет Гирей раздраженно махнул рукой, словно говоря, чтобы слуга поторопился, но тот уже растаял в цветных бликах, оставив после себя едкий запах своего снадобья, приобретенного у старого иранца на рынке. Хан поражался его

способности молниеносно исполнять приказания: наверное, желание угодить господину помогло превозмогать боль. Он привел Девлета, как и обещал, через мгновение, и дядя приказал племяннику сесть возле себя. Мальчик покорно опустился на диван, сложив руки на коленях и опустив глаза. Он как никогда походил на девочку, красивую восточной красотой: точеные брови-подковки, миндалевидные глаза с поволокой, длинные загнутые ресницы.

«Наверное, я зря беспокоюсь, – подумал Саадет Гирей и снова дернул себя за бороду. – Он скорее слабая женщина, чем мужественный воин. Нет, такой не способен свалить меня».

– Махмуд сказал, ты хотел поговорить со мной, великий хан, – прошептал мальчик, и яркий румянец залил чуть тронутые темным пухом щеки.

– Скажи, ты сильно привязан к матери? – спросил Саадет Гирей, пристально глядя на пасынка.

– Я люблю и почитаю ее, – отозвался Девлет Гирей.

– Но она не сделает тебя хорошим воином. – Хан прищурился. – А я хочу, чтобы сын моего брата, мой племянник и пасынок им стал и прославил род Чингисидов в славных боях.

Ресницы мальчика дрогнули, но он ничего не ответил.

– Завтра же на корабле ты отправишься в Стамбул, – твердо сказал Саадет Гирей, словно подчеркивая, что спорить с ним бесполезно. – Турецкие янычары – настоящие

солдаты. Они обучат тебя военному искусству. Кроме того, ты увидишь родственников, которых никогда до этого не знал. Я передам с тобой послание для них.

Девлет по-прежнему не произносил ни слова, и хан с неудовольствием подумал: «Как женищина. Где уж такому сместить меня с трона!»

– Я не говорю, что ты уедешь отсюда навсегда, – вкрадчиво молвил Саадет Гирей и улыбнулся лисьей неприятной улыбкой. – Как только мне сообщат, что из тебя получился прекрасный воин, ты вернешься обратно.

Мальчик склонил голову, не поднимая глаз. Пушистые ресницы дрожали, но их не увлажнила слеза. Хан воспринял его молчание как согласие. Впрочем, в согласии пасынка он не нуждался.

– Ну, иди, собирайся, – уже резче сказал он и слегка подтолкнул его. – Иди, сообщи матери.

Девлет так же покорно отправился во дворец, а Саадет, встав, подошел к фонтану и подставил руку под слабую искривляющуюся струю. Он уже знал, что скажет жене, и это не прибавляло радости.

– Все равно здесь решаю я, – сказал он жестко. – И да будет благословенно имя Аллаха!

Глава 2

Наши дни. Турция

Жанна сидела на кровати, ощупывая синяки на руках, и лихорадочно думала, как отсюда выбраться. Проклятый Макс обещал помочь ей скрыться в Турции, в Стамбуле, клялся посылать деньги на ее карту, но вместо этого продал в бордель, причем в самый дешевый. Ей сразу показалось странным, что смуглые до черноты турки сомнительного вида повезли ее куда-то в горы, поселили в грязном отеле, который оказался публичным домом для пастухов и шоферов. Когда ей об этом сообщила проститутка с равнодушным лицом, видимо, готовая ко всему на свете, потому что в ее нелегкой жизни были и огонь, и вода, и медные трубы, Жанна устроила скандал, требуя отпустить ее. Но такие же маленькие грязные смуглые люди во главе с портье сначала избили ее, заломили руки, потом что-то вкололи в вену, и она вырубилась на долгое время. Позже, когда она очнулась и начала стучать в дверь, к ней в комнату вошел высокий турок, модно и дорого одетый, и на ломаном русском языке сообщил, что с этого дня ее работа – обслуживать клиентов.

– Если ты выкинешь что-нибудь, тебя ждет смерть, – пригрозил он, хлопая черными ресницами.

«Лучше смерть», – подумала она, но вслух этого не сказа-

ла. Ее опять начнут бить, вколют наркотик – здесь это практикуется – и заставят спать с отбросами общества. Подумать только, она и грязные пастухи, бедуины! Нет, нет и еще раз нет!

Турок внимательно наблюдал за ней, буравя глазами-маслинами. Ее молчание он воспринял как согласие. А куда деваться этой козе, пусть и красивой, похожей на Ким Бессинджер? Впрочем, сколько красивых было в его жизни! Конечно, все они попадали сюда обманом, потому что ни одна уважающая себя проститутка не захочет здесь работать. И многие смирились, хотя если бы его дочь попала в такое место, он пожелал бы ей скорой смерти. Девушки все равно умирали, но пройдя через унижения, побои, каждый день накачиваясь наркотиками. Гордую красотку ждет то же самое.

– Ты поняла меня? – поинтересовался он, убежденный, что Наташа (для него все русские бабы были Наташами) уже смирилась. Жанна опустила голову и ничего не ответила. В ее голове роились мысли о побеге. Нужно поговорить с девушками, изучить отель, узнать все ходы и выходы... Турок подошел к ней и взял за подбородок:

– Еще раз спрашиваю, поняла? Будь любезна с гостем. Сегодня к тебе придет наш лучший клиент.

Она взглянула в его сытое лицо и будто выплюнула:

– Да.

– Вот и умница. – Он ослабился, вышел из комнаты, приказав ей принять ванну и привести себя в порядок, а че-

рез час к ней заглянула пожилая турчанка, положила на кровать голубое короткое платье с большим декольте, поставила вазу с фруктами и бутылку вина, вынула из шкафа два бокала и тихо удалилась. Молодая женщина съежилась, чувствуя, что клиент сейчас зайдет. И он не замедлил явиться – толстый, даже не толстый – жирный сальный мужик, очень смуглый, с короткими седыми волосами, короткими ногами, кривым носом и волосатой грудью. По-русски он знал всего лишь одно слово – «привет». Ну и, наверное, Наташа.

Жанна кивнула в ответ, соображая, что дальше делать. Ладно, посмотрим, что станет делать он. Турок почмокал языком, коснулся ее светлых волос и что-то проговорил на своем гортанном языке. Жанна поняла, что он восхищается ее красотой. Конечно, она для него красавица, наверняка он редко видит кого-то красивее осла. Потом он подсел к ней, рванул платье, которое легко разошлось по швам, и снова восхищенно заохал, пораженный ее царственной наготой. Молодая женщина продолжала сидеть, как каменное изваяние, и клиент решил приступить к действиям. Молниеносно скинув с себя рубашку и брюки (боже, какой он противный, волосатый, как обезьяна), турок кинулся на нее, кусая гранатовые соски, сдирая трусы, дыша в лицо перегаром. Его руки пробирались в низ живота. Жанна почувствовала, как задыхается, машинально начала шарить по столу, нащупала вазу с фруктами, потом бутылку. Собрав последние силы, она стукнула ею о стол, красное вино залило белые простыни –

и горлышком бутылки полоснула клиента по шее. Он сначала заорал, потом обмяк и, потеряв сознание, упал на нее, заливая своей кровью. Она вскочила, скинула его с себя, и ее стошнило прямо на турка. Жанна не думала, что его крики услышат за стенкой и через мгновение в ее комнату вломятся охранники. Ее снова били, теперь уже не боясь повредить лицо, и женщина подумала: ее ждет смерть. Но лучше смерть, чем такая работа... Когда она отключилась, ее поволокли в подвал и бросили там. Жанна очнулась в вонючей темноте, на грязных тряпках, не соображая, где она и который час. Рядом с ней плакала какая-то девушка. Силясь разглядеть ее в темноте, молодая женщина подползла к соседке. Ей показалось, что девушка очень юная и хорошенькая.

– За что тебя? – спросила она, надеясь, что соседка понимает по-русски.

– За то, что ударила клиента, – отозвалась девушка. Она действительно оказалась русской. – А тебя?

– А я его порезала, – не без гордости заявила Жанна. – Как тебя зовут?

– Света. А тебя?

– Меня Жанна. – Молодая женщина взяла ее за руку. – Что теперь с нами будет, ты знаешь?

– Хорошо знаю, – всхлипнула Света. – Нас убьют.

Жанна встала на ноги, застонала, но удержалась и не упала, успев опереться на стену.

– У нас есть шансы на спасение? – прошептала она.

Света покачала головой:

– Нет. Тут крепкие стены и хорошая охрана.

– Очень крепких стен не бывает. – Жанна принялась простукивать стены, пытаясь определить их толщину. – Да, это не сарай. Придется придумывать другой способ выбраться отсюда.

– Я же сказала, мы не выберемся, – упрямо повторила девушка. – Хочешь, скажу, что будет завтра утром? К нам придет с десятков грязных турок, они по очереди изнасилуют нас, а потом подвезят за ноги вниз головой. Мы умрем в муčenjaх.

– Посмотрим. – Молодая женщина решила сменить тему. – Как ты сюда попала?

Света всхлипнула и с охотой стала рассказывать печальную историю, очень знакомую, потому что о подобном пишут в газетах и кричат в Интернете. В российской глубинке ей не удавалось найти хорошую работу, она пробовала переехать в Москву, даже устроилась горничной в отеле, но денег на съемную квартиру все равно не хватало. И тут ей на глаза попало объявление. Требовались женщины для работы за границей. Им обещали такую зарплату, что глаза лезли на лоб. Подобных денег Света не зарабатывала и за полгода. Она пришла в агентство по найму, поинтересовалась, что придется делать. Ответ ее порадовал: в многочисленных курортных отелях Турции требовались уборщицы и горничные – как раз тем же она занималась и на родине, но платили

ей в десятки раз меньше. Недолго думая, девушка собрала нехитрый скарб и вылетела в Стамбул. В тот же день ее привезли в бордель, не слушая криков и просьб, забрали паспорт и заперли в комнате. Когда к ней зашел тот лохотный турок, с которым разговаривала и Жанна, Света сказала ему, что она приличная девушка и ни за какие деньги не станет этим заниматься. Сводник усмехнулся.

– А у тебя нет выхода, – спокойно заметил он. – Подумай, ну куда ты денешься без документов? Здесь не Россия, попадешь в полицию, а там ой как несладко.

Света потребовала привезти консула, турок кивнул и вышел, но вместо консула привел двух дюжих ребят, которые избili ее до полусмерти и что-то вкололи. На следующий день сводник объявил, что сейчас придет клиент и она должна быть с ним ласкова. Клиентом оказался потный противный турок, набросившийся на нее с порога. Но девушка не дала ему стащить с себя одежду – сразу ударила между ног. Он сначала застонал, потом заорал, прибежал сводник и бросил ее в подвал.

– Видишь, дорогая, у нас нет выхода, – плача, пробормотала Светлана. – Я слышала рассказы проституток. Хозяевам борделей хватает такого товара, поэтому они расправляются с непокорными.

Она тихо всхлипывала, а Жанна думала, думала, думала и ничего не могла придумать. Девушка права, бежать отсюда невозможно. Эти стены видели таких, как она. Турки зна-

ют, как с ними поступать. Ничего у нее не получится, видимо, скоро придет конец ее никчемной жизни. Она тоже забилась в угол и погрузилась в полудрему, ожидая своих мучителей. Когда дверь распахнулась, Жанна съежилась, словно хотела стать меньше, раствориться в темноте. Вошел турок-сводник, как всегда, прекрасно одетый, благоухавший дорогим одеколоном. За годы ведения бизнеса с представителями разных национальностей он выучил и английский, и даже русский, и на всех языках говорил одинаково плохо. Сейчас его сопровождали, к ее удивлению, не смуглые нукеры-дружинники, готовые избить до полусмерти беззащитных девушек, а толстый маленький человечек европейского вида, в белой батистовой рубашке и черных брюках. Его лакированные модельные туфли явно стоили недешево. «Клиент, – мелькнуло в разгоряченном мозгу. – Сейчас подложит под него меня или Светку. Если меня – черт с ним. Главное, чтобы не грязный турок. Возможно, с европейцем удастся договориться».

– Вот эта. – Палец сводника с наманикюренным ногтем указал на Жанну. Значит, она не ошиблась. Ей действительно привели клиента. Толстячок осмотрел молодую женщину, кивнул и произнес на чистом русском языке:

– Такой я ее себе и представлял. Что ж, я ее забираю.

– Нужно бы еще подкинуть. – Турок помялся, опустив глаза. – Гляди, Ройтман, какая красавица. У нас бы она имела успех.

«Значит, его зовут Ройтман, – отметила про себя Жанна. – Точно не турок».

– Твоей жадности, Ибрагим, нет предела, – буркнул гость. – Хватит с тебя. И вспомни, сколько раз я вытаскивал тебя из передряг.

– Да я что... – Ибрагим (так вот как его звали) переминался с ноги на ногу. – Черт с ней, бери.

Жанна по-прежнему сидела в углу, не двигаясь. Толстяк взял ее за ледяную руку:

– Пойдем со мной.

– Пойду, если эту девушку тоже выпустят отсюда, – заявила молодая женщина. – Я не позволю, чтобы с моей соотечественницей, которую заманили сюда обманом, обращались по-скотски и даже убили. Нет, я никуда не пойду без нее.

– Слышал? – Ройтман обернулся к Ибрагиму. – Для русских всегда было характерно чувство дружбы. Помнишь, мы спорили насчет этого? Ты утверждал, что на Востоке дружба крепче. – Он достал пухлый бумажник и вытащил несколько долларовых купюр. – Я покупаю и эту. Хватит? Думаю, с лихвой, потому что ты собирался ее убить. А с трупа ничего не получишь.

Ибрагим почесал затылок:

– Ладно, черт с вами. Берите и эту. На выходе ей вернут документы. Только билеты до России за твой счет, Ройтман.

– Разумеется. – Толстячок довольно потирал руки. – Девочки, вперед.

Он подтолкнул их к выходу. Света, не веря своему счастью, шла как приговоренная к смерти, которой объявили о помиловании. В голове Жанны крутились разные мысли. Неужели толстяк отправит их в Россию? Свете это даже в радость, но не ей. Там ее сразу посадят в тюрьму. Впрочем, в тюрьме лучше, чем в таком борделе.

Портье, любезный до тошноты, выдал им документы, получил от Ройтмана чаевые и даже попрощался на русском языке. Девочки вышли из борделя, и пыльный воздух окраины горной деревни показался им свежим и живительным.

– Садитесь в машину, – Ройтман подвел их к черному «Мерседесу», на водительском сиденье которого они увидели мужчину средних лет с носом, напоминавшем клюв орла, и снова достал бумажник. – Не знаю, девочка, как тебя зовут, но этого должно хватить на билет до дома. – Он сунул в бледную руку Светы несколько стодолларовых купюр. – Мы доведем тебя до аэропорта. Поезжай домой и больше не попадай в такие истории.

Только теперь бедняжка поверила в свое спасение. На бледных худых щеках заиграл румянец, губы раскрылись, блеснули белые острые зубы.

– Спасибо вам, – проговорила она. – Я не знаю, как вас благодарить.

– Лучшей благодарностью будет, если я о тебе больше не услышу, – хохотнул он, и машина плавно тронулась с места. Сначала она петляла по горным дорогам, потом выехала на

шоссе и помчалась по асфальту. До аэропорта ехали долго, но никто не сказал и слова. «Мерседес» притормозил у входа в терминал, и Ройтман повернулся к девушкам:

– Прощайтесь.

Света крепко обняла Жанну своими прозрачными ручонками, еще раз поблагодарила спасителя и смешалась с толпой.

– Бедняжка, – процедил он с мечтательной улыбкой. – Впрочем, у нее все будет хорошо. Думаю, она больше не попадет в такую историю. Многие подобные ей после пережитого делают вывод: лучше жить на картошку, которую выращиваешь в огороде, чем на доллары, заработанные в дешевом борделе.

– Это верно, – согласилась Жанна. – Я тоже это поняла. Может быть, вы отпустите и меня?

Ройтман усмехнулся:

– В руки полиции? Думаешь, за это время о тебе уже забыли? Нет, дорогая, тебя разыскивает Интерпол, и твои милые фотографии есть в Интернете.

– Но зачем я вам нужна? – удивилась молодая женщина.

– А это ты сейчас узнаешь. – Он тронул птицеобразного шофера за плечо и коротко бросил: – Домой.

Машина снова помчалась по асфальтовой дороге, но на этот раз в горы не свернула, наоборот, доехала до моря, оказавшись в богатом квартале Босфора. Возле одного из белых особняков она притормозила, и Ройтман вышел из машины,

подмигнув Жанне.

– Вот моя резиденция. Будь гостьей. Как видишь, мне повезло приобрести особняк в прекрасном месте – это очень престижный район. Если ты что-то понимаешь в архитектуре, он построен в стиле необарокко.

В архитектуре Жанна никогда ничего не понимала, но отметила про себя, что особняк действительно шикарный, белый, с башнями по бокам.

– В нем пять этажей, двадцать две комнаты, гараж и сад, – пояснил Ройтман и что-то сказал в окошечко кованых ворот. Они разошлись в разные стороны, и «Мерседес» горделиво въехал в огромный двор. Перед особняком был разбит сад с клумбами, в которых красовались диковинные, никогда не виданные Жанной цветы, издававшие тонкий аромат французских духов. В трех фонтанах, один из которых был точной копией бахчисарайского «Фонтана слез», журчала вода. Где-то на деревьях (она узнала кипарисы, горделиво взметнувшие ввысь свои остроконечные вершины) щебетали птицы.

Ройтман поманил ее рукой, и по белым мраморным ступеням они прошли в дом, на террасу.

– Твоя комната будет на третьем этаже, – сказал он. – С балконом. С него, между прочим, открывается великолепный вид на Босфор. Ты была на Босфоре?

Женщина покачала головой:

– Не имела возможности. Вам прекрасно известно, в ка-

ких местах Турции мне посчастливилось, – она сделала акцент на этом слове, – побывать.

Толстяк усмехнулся, бережно взял ее за локоть и по ковровой дорожке повел на третий этаж. Жанна обратила внимание на позолоченные перила, картины в больших рамах, украшавшие стены, и мраморные статуи. Внутри резиденция Ройтмана чем-то напоминала Эрмитаж. Такая же лепка и произведения искусства. Может быть, дорогой архитектор и получил заказ – сделать интерьер, как в Эрмитаже? У богатых свои причуды.

– Нравится? – Хозяин открыл одну из дверей в длинном широком коридоре и провел туда гостью. – Видишь, какой контраст? Внутри, в коридоре, – Зимний дворец, а в твоей комнате – современность.

Эта современность была Жанне больше по сердцу. Вся комната была сделана в розовых тонах: розовые стены, розовое стекло на огромной люстре, розовый светильник над двуспальной кроватью, обычной кроватью, вовсе не в стиле Людовика XIV. Огромная плазменная панель матово светила со стены. Сквозь розовые портьеры пробивался солнечный свет. На круглом столике, к ее удивлению, лежала Библия.

– Люблю почитать эту книгу, – признался хозяин. – В ней можно найти ответы на многие вопросы. И вообще каждый образованный человек должен ее знать. Почитай перед сном, полезно.

– Если я найду в ней ответ на вопрос: «что вам от меня понадобилось», я действительно сочту чтение полезным, – усмехнулась Жанна.

– Зря ты богохульствуешь, – прервал ее хозяин. – В твоём положении нужно сходить в церковь и покаяться.

– Не могу ничем парировать, ибо вас совсем не знаю, – в тон ему ответила женщина. – Итак, может быть, скажете, зачем привели меня сюда? Неужели мы будем изображать Сулеймана и Роксолану?

Ройтман захохотал так громко, что спугнул какую-то маленькую серую птичку, которая черным глазком-бусинкой посматривала в окно.

– А ты не лишена чувства юмора, – задыхаясь, проговорил он. – Мне это нравится.

– Но вы привели меня сюда не для того, чтобы я вас веселила, – буркнула молодая женщина. Он поднял короткие толстые руки.

– Ладно, сдаюсь. Ты права, прелестная незнакомка. Чем скорее мы поговорим, тем будет лучше для всех. Приведи себя в порядок, моя милая, я знаю, что твой гардероб остался в борделе, и поэтому обо всем позаботился. Если не угадал с размером – извини. Видишь, в стену встроен шкаф? Там ты найдешь все необходимое. Эта дверца – в ванную комнату. Я тебя покидаю, встретимся на террасе за чаем.

Он ушел, а Жанна бросилась к шкафу, удивляясь, что злоключения не истребили в ней любовь к шмоткам. Надо ска-

зять, Ройтман не пожалел денег. Это была не дешевая одежда, которой ее снабдили в борделе. Надев хлопковое белое платье с золотыми пуговками и посмотрев на себя в зеркало, женщина ахнула. Ройтман угадал ее размер. Кроме платья, на вешалках обнаружили: брючный костюм, пара юбок, несколько симпатичных кофточек и голубые джинсы. Внизу стояла обувь – от босоножек до сапог.

– Ничего не понимаю, – сообщила Жанна своему отражению в огромном зеркале. – Впрочем, убивать он меня не собирается, на маньяка тоже не похож. Если ему требуется содержанка вроде меня, не возражаю. Мне тут нравится.

Глава 3

1530 год. Крым

Девлет Гирей вспоминал поездку в Стамбул как что-то иллюзорное, происходившее не с ним. Слезы матери, непреклонный характер отца, прощальный взгляд любимой наложницы отца Мириам, прекрасной полонянки из славянских земель, оказывавшей мальчику знаки внимания и пробудившей что-то похожее на интерес, влечение к женщине, а потом долгое и нудное путешествие по морю, которое он увидел первый раз в жизни. Увидел и поразился его изменчивости. В первый день плавания оно, изумрудное, спокойное, как вода в бассейне дворца, ласково омывало корабль, но наутро вспенилось, словно на что-то разозлившись, и швыряло корабль, как утлую лодчонку. Девлет лежал на кровати и боялся приподнять голову – его тошнило. Сопровождавший мальчика евнух постоянно спал, не особенно наблюдая за воспитанником, или бежал на палубу и сгибался пополам, сотрясаясь в спазмах рвоты. И лишь матросы, с ловкостью обезьян лазавшие по канатам, были спокойны, просто делали свое дело, и если Девлету удавалось поймать взгляд одного из этих смуглых просмоленных людей, они подмигивали ему и продолжали выполнять окрики капитана, самого главного на корабле, решительностью на-

поминавшего отчима. Девлет не думал о том, что Саадет Гирей от него избавился, – у мальчика не возникало таких мыслей. Он считал: так надо, воину-отчиму виднее, вероятно, там, в Стамбуле, его научат мастерски владеть оружием и скакать на лошади, составляя с ней единое целое. Он с нетерпением ждал, когда корабль причалит и окончится это утомительное плавание, и вот они прибыли в Стамбул, бросив якорь в бухте Золотой Рог, и слуги Сулеймана Великолепного, явившись за мальчиком в золоченой карете, повезли его во дворец. То, что увидел Девлет, поразило его. Мальчик всегда считал дворец, построенный в Бахчисарае его дедом, Менгли Гиреем, самым красивым местом на земле, но понял, что ошибался. Дворец Сулеймана Великолепного поистине был маленьким сказочным городком в большом городе. Огромные просторные покои, персидские ковры, изумительный сад, в котором можно было затеряться, как в лесу... Экзотические растения, издававшие умопомрачительный аромат... Фонтаны, озера с прекрасными розовыми фламинго и другими птицами. Очарованный красотой и величием, Девлет не то чтобы забыл о слезах бедной матери – нет, при мысли о ней его сердце сжималось, – но боль разлуки притупилась. Великий султан, сразу взявший на себя заботу о маленьком двоюродном брате, на второй день пребывания Девлета в Стамбуле пригласил его к себе. Ступив в огромный зал, подросток почувствовал, как трясутся колени. Сулейман восседал на троне, гордый, величе-

ственный, грациозный, несмотря на полноту, с длинной для мужчины шеей и тонким орлиным носом. Подойдя к трону, ребенок опустился на ковер, благоговей перед султаном, но тот пухлой рукой приказал подняться, и визирь, облаченный в кафтан и шаровары, помог Девлету.

– Значит, вот ты какой, потомок Мубарека Гирея и мой двоюродный брат, – задумчиво проговорил Сулейман. – Знал я твоего отца и твоего деда. Он просил кое-что тебе передать. Почему именно тебе – не знаю. Должно быть, выделял тебя из всех внуков.

– Он покинул этот мир, когда я был совсем маленьким, – робко сказал Девлет. – Я почти не помню деда.

Сулейман откинулся на мягкую парчовую спинку трона.

– О, это был великий человек, настоящий воин, и ты становишься таким же! – Он тяжело вздохнул и провел холеной белой рукой по одутловатому лицу. – Ислям, принеси ему то, что для него приготовлено.

Молчаливый визирь с лицом, изрезанным морщинами, с белой, как снег, бородой, поклонился владыке, торопливо направился к выходу и минут через пять возвратился со свертком, завернутым в парчу.

– Возьми, – приказал султан мальчику. – Это принадлежит тебе.

Девлет с содроганием принял сверток, отметив, что он довольно тяжёлый, развернул парчу и ахнул. Такого подарка от деда, которого он не знал, подросток не ожидал. В лу-

чах солнца, пробивавшегося сквозь овальные окна, на парче вспыхнула сабля, самая настоящая сабля, из чистого золота, с рукояткой, украшенной драгоценными камнями.

– О-о-о, – только и смог промолвить потрясенный мальчик, а Сулейман, улыбаясь в черную бороду, насмешливо поглядывал на него темными миндалевидными глазами.

– Это не простая сабля, – произнес он, видя, что Девлет еще не оправился от шока. – Тебе известно, что ваш род происходит от Чингисидов. Эту саблю твоему деду подарил сам Чингисхан, а его личный шаман Тэб-Тэнгри заговорил ее.

– Как это? – удивился Девлет, крепко прижимая саблю к себе, словно боясь, что грозный визирь, стоявший за его спиной, отнимет подарок.

– Менгли Гирей говорил, что Тэб-Тэнгри провел над ней несколько магических обрядов, – пояснил султан, – и поэтому сабля привязана к своему хозяину. Лучшие ее не терять, но если потеряешь – обязан ее найти. Она будет стараться вернуться к тому месту, где ты ее оставишь, если ее кто-нибудь заберет. Впрочем, горе тому, кто решит присвоить ее и не вернет настоящему хозяину. Он многократно пожалеет об этом, и несчастья обрушатся на его бедную голову.

Мальчик еще крепче прижал к себе грозное оружие.

– Я ее не потеряю, – заверил он Сулеймана Великолепного. – Я никогда ее не потеряю. А если кто-то попытается отобрать ее у меня, – он сделал паузу, и его черные глаза вспыхнули недобрým огнем, – клянусь Аллахом, он запла-

тится за это! Он пожалеет, что родился на белый свет!

Румянец обагрил его свежие щеки, как заря – небосклон, и султан, с интересом поглядывая на сына своего друга и родственника, подумал: «Да, из него вырастет великий воин. Надо сделать так, чтобы он был так же предан нам, как и его отчим. Надеюсь, в этом роду появился второй Чингисхан».

Глава 4

Наши дни. Стамбул

Она с удовольствием поплескалась под душем, снова надела хлопковое платье, плюхнулась на мягкую двуспальную кровать и закрыла глаза. Через приоткрытое окно до нее доносился запах цветущего сада и моря – ее любимые запахи. У родителей тоже дача у моря. Когда-то в детстве (Боже, как это было давно!) их с сестрой возили туда для оздоровления, но ей казалось – как рабочую силу. И правда, мать просила помочь вскопать грядки, полить цветы, Вика не возражала, ей это даже нравилось, а Жанна поднимала скандал. Почему-то выезды на дачу всегда следовали за визитами к мانيкюрше, и девушка боялась повредить лак.

– Зато фрукты и овощи ты ешь с удовольствием, – констатировал отец, и она в знак протеста ничего не ела с дачи и никогда не ходила на дикий пляж в трехстах метрах от их участка, с зеркально чистой водой. Теперь Жанна знала: окажись она в родном городе, первым делом поехала бы на дачу, поцеловала землю, перекопала бы все грядки, а потом побежала бы на пляж и бросилась бы в ласковые волны, омывавшие родные берега. Но наступит ли когда-нибудь этот день?

– Дорогая, ты готова? – послышался приторный голос Ройтмана.

Жанна лениво отозвалась:

– Да.

– К тебе можно? – Он слегка приоткрыл дверь. Молодая женщина встала с кровати, готовая спуститься вниз.

– Сейчас я накормлю тебя, – сообщил он, – ты проголодалась, я знаю. За столом и поговорим. Кстати, нас будет трое. К нам присоединится еще один человек, мужчина. Не спрашиваю, будешь ли ты против, потому что мне необходим этот человек так же, как и ты.

Она пожала плечами:

– Я не возражаю.

– Тогда пойдем. – Он галантно протянул ей руку, помог спуститься на террасу, где повар – то ли турок, то ли грек, очень смуглый и черноволосый, – накрывал большой стол. В тени высокого кипариса на плетеном стуле сидел молодой голубоглазый блондин с правильными чертами сурового, слегка тронутого загаром лица.

– Это Николас, грек, – представил повара Ройтман. – Готовит божественно, причем блюдо любой кухни. А это – он указал на незнакомца, – твой новый товарищ, Андрей Ломакин.

– Русский? – удивленно спросила молодая женщина.

– Такой же русский, как и ты, – убедительно ответил хозяин. – Андрей, просим к столу. Николас, налей нам по чашечке. Что вы предпочитаете? Водку, мартини, виски, вино?

Жанна выбрала белое, Ломакин – водку.

– За знакомство. – Гости чокнулись друг с другом, и Николас подал греческий салат, заправленный натуральным оливковым маслом, намного отличавшимся по вкусу от магазинного.

– Нас тут никто не подслушает, – сказал Ройтман, когда Николас удалился, чтобы принести другие блюда, – и по-сему я начинаю. Вы, наверное, заметили, друзья, что я человек, который любит все прекрасное. На протяжении всей моей жизни меня окружают самые красивые женщины, дорогие произведения искусства. Откуда произведения искусства? Видите ли, я коллекционер, много времени провожу на аукционах. Но бывает так, что мне до смерти хочется получить дорогую вещь, которая спрятана в подполье у другого коллекционера. Тогда я прибегаю к посторонней помощи, ищу людей, профессионалов своего дела, и они действительно помогают мне.

Ломакин подавился соком и закашлялся. Жанна заморгала длинными ресницами.

– Извините, господин Ройтман, вы хотите сказать: ищите людей, которые помогли бы вам украсть понравившуюся вещь?

– В данном случае слово «украсть» не совсем уместно. – Ее поразило, что толстяк смотрел ей в глаза с детской непосредственностью, как будто разговор шел не об ограблении, а о посещении выставки собак. – Скорее всего вещь, которая мне приглянулась, была украдена моим коллегой из ка-

кого-нибудь музея. Поэтому я не краду ее, а просто беру себе.

– Разные слова, а суть одна и та же, – процедил Ломакин. Ройтман засмеялся.

– Мне странно слышать от вас обоих слово «кража», – заметил он, вытерев уголки губ салфеткой. – Впрочем, я не представил вас друг другу как следует. Вы не экстрасенсы, чтобы увидеть подноготную друг друга. Итак, – мужчина повернулся к Андрею, – рекомендую – Жанна Комлева, учительница биологии, по совместительству – главарь банды, грабившей семьи детей, которые имели несчастье заниматься с ней репетиторством. Однажды бедняжке не повезло: дома оказалась пожилая женщина. И что вы думаете? Она без зазрения совести пырнула ее ножом и скрылась.

По бледным щекам Жанны разлился румянец. Она заметила, какой презрительный взгляд бросил на нее Ломакин. Впрочем, он не лучше, раз оказался здесь.

– А теперь пришла очередь представить вас, Андрей. – Ройтман щелкнул пальцами. – Лучший взломщик сейфов, как простых, так и электронных, по совместительству, как и ты, Жанна, бывший порядочный человек, инженер-электронщик по образованию.

– Я никогда не получал удовольствия от ограбления, – прошипел Ломакин. – Если вам известно обо мне все, вы знаете, что меня заставили это делать, шантажируя сыном.

– Как бы то ни было, вы оба разыскиваете Интерполом

и в настоящее время скрываетесь в Турции, – констатировал толстяк. – Вы нужны мне, потому что с вашей помощью я хочу заполучить очередную ценную вещь. Но, в отличие от вашего однокурсника, Андрей, который хотел поработить вас на всю оставшуюся жизнь (сейчас вы спросите, откуда я все знаю: я обязан все знать и потому слежу за тем, что делается у нас в России), я предлагаю очень хорошие условия.

– Какие же? – встрепенулась Жанна.

Толстяк скрестил короткие ножки:

– Во-первых, мое поручение будет разовым. Вы принесете мне вещичку и можете катиться на все четыре стороны. Во-вторых, разлетитесь вы с приличной суммой денег. Я знаю, Андрей, что у вас есть жена и сын, а у тебя, Жанна, родители и дочь. Я заплачу вам столько, что вы заберете их и поселитесь на каком-нибудь уютном островке, где станете спокойно наслаждаться жизнью. Как вам такой вариант?

– А если мы не согласимся? – подал голос Андрей. – Вы убьете нас?

Толстяк дернул круглой, почти без шеи, головой:

– Вовсе нет. Я вас отпущу. Совсем. Попробуйте поколесишь по миру или вернуться в Россию без денег. Тюрьма вам гарантирована. Думаю, тебе, Жанна, вообще светит пожизненное. Но даже если меньше, подумай о том, когда ты покинешь тюремные стены и какой выйдешь. Больной старухой, на которую взглянут разве что из жалости? А вашей семье, Андрей, в ближайшее время понадобятся деньги на ре-

абилитацию. С таким диагнозом, как у вашего сына, нельзя очень уж сильно надеяться на светлое будущее. Болезнь может вернуться, и что вы станете делать тогда? А если она даст о себе знать, когда вы будете отдыхать за решеткой?

Жанна и Андрей переглянулись. Этот мерзкий толстяк предлагал неплохой вариант.

– Ладно, давайте еще ближе к делу. – Жанна закинула ногу на ногу. – Какую такую вещицу и у кого мы должны украсть?

– Давайте сначала поедим горячего. – Ройтман облизнул языком губы. – Николас готовит великолепные отбивные. – Он два раза хлопнул в ладоши, и повар вырос перед ним с большим дымящимся блюдом в руках. В отличие от хозяйина, смаковавшего каждый кусок вкуснейшего мяса, Жанна и Ломакин ели торопливо и без особого аппетита. Наконец, когда Ройтман насытился, еще раз залив жир вином, он приказал повару убрать со стола, а сам пригласил гостей в плетеные кресла под тень кипарисов.

– Здесь нежарко, – пояснил он, вдыхая солоноватый запах моря. – И мы можем договорить. Что вы слышали о Девлет Гирее?

Жанна и Андрей снова переглянулись.

– Гирей – это, кажется, династия крымских ханов, – вспомнил Ломакин. – Впрочем, я не уверен.

– Точно. – Жанна постучала пальцем по белому лбу. – Я была в Бахчисарае, во дворце. Нам рассказывали про всех ханов. Того, кто приказал сделать Фонтан слез, тоже звали

Гирей. Не он ли это?

– Его предок, – кивнул Ройтман. – Если вам ничего не известно, кратко ввожу в курс дела. Когда-то шаман заколдовал саблю Чингисхана, как говорят у нас сейчас, на успех. Владеющий ею должен был владеть всем миром. Чингисхан почти добился этого. После его смерти сабля перешла к его родственнику, крымскому хану Девлет Гирею, который потерял ее в сражении под Тулой. Что только он не предпринимал, чтобы ее вернуть! Но ничего не вышло. Понимаете, если сабля находится в руках других людей, она начинает приносить им несчастья. В истории известны несколько человек, пострадавших из-за нее. В настоящее время она хранится в подпольном музее у коллекционера Павла Завьялова. Вам нужно будет украсть ее у него.

– Значит, хотите владеть миром? – усмехнулась Жанна и поправила светлые волосы. – Не боитесь, что и на вас посыплются несчастья?

– Это уж мое дело, – буркнул Ройтман. – Вас это не касается. Ваша задача – украсть саблю и получить хорошую сумму. Хорошую, слышите?

– Как же мы ее украдем? – удивился Ломакин. – Он наверняка бережет ее как зеницу ока.

Толстяк поднял руку, призывая их к молчанию.

– Сейчас я вам все расскажу. Вам придется вернуться в Россию. Мои люди уже приготовили паспорта, нужны только ваши фотографии.

– Вы знали, что мы согласимся, – прошептала Жанна.

– Только дурак отказался бы от моего предложения, – буркнул Ройтман. – Итак, повторяю: вы полетите в Россию. Мои агенты сообщили, что его подпольный музей находится в загородном доме. У меня нет сомнений, что сабля там. Почему Завьялов построил дом практически на болотах? Чтобы никто не догадался о его подпольном музее.

– Допустим, мы доберемся до этого дома, – кивнул Андрей. – Как мы проникнем внутрь?

– Завьялов любит все красивое, в том числе и женщин, – пояснил Ройтман. – Я придумал для вас легенду. Ты ведь биолог по образованию, Жанна?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.